

Его мощный самоконтроль и способность к маскировке сработали мгновенно, и он сразу же облачился в холодную и презентабельную броню. Он отпустил руки, одна нога всё еще стояла на колене перед диваном, и он смотрел сверху вниз на лежащего человека:

— Понял свою ошибку?

Этот ледяной и безжалостный голос, в отличие от его предыдущего низкого тона, мгновенно разрушил атмосферу.

Однако, к его удивлению, молодой человек не испугался, и даже его янтарные глаза светились улыбкой.

Дыхание Цинь Чжэня стало тяжелым и частым, и он с недовольным видом смотрел на него:

— Упрямец!

Цзи Тинсэнь потер запястья, с трудом сдерживая смех, но уголки его губ всё же поднялись.

Глядя на взъерошенного ребенка, он не удержался и осторожно погладил его по голове:

— Ладно, ладно, я понял, что это опасно, больше не буду.

Он подумал, что, вероятно, из-за возраста волосы Цинь Чжэня были жестче, чем у Минжуя, но всё же приятные на ощупь.

Он совсем не воспринял урок Цинь Чжэня всерьез, чувствуя, будто маленькое животное топчется у него на груди, даже если оно рычит, это больше мило, чем страшно.

В следующее мгновение рука, гладившая его по голове, была безжалостно отброшена.

Цинь Чжэнь чувствовал, как у него поднимается давление. Цзи Тинсэнь вообще понимал, что с такой внешностью нужно иметь сильное чувство самосохранения?

И вообще, зачем гладить его по голове, как будто он собака!

Сложные и гневные эмоции металась в его голове, и Цинь Чжэнь схватил его, готовый снова отчитать.

Но его рука случайно оказалась на пояснице Цзи Тинсэня, именно там, где было больно после того, как он его схватил.

Цзи Тинсэнь невольно вдохнул:

— Больно! Не трогай... поясницу...

В следующее мгновение Цинь Чжэнь вскочил, словно его укололи.

Но тут же его лицо потемнело, и он с силой перевернул человека на диване, затем поднял его рубашку.

Белая, как яшма, кожа, которую он уже видел, теперь была покрыта синяком и слабыми отпечатками пальцев.

Цзи Тинсэнь даже не успел понять, что происходит, но лежать на животе оказалось гораздо

удобнее.

Не успел он перевести дух, как услышал ледяной голос Цинь Чжэня:

— Кто это сделал? Юань Нэн?

Цзи Тинсэнь быстро схватил Цинь Чжэня за край одежды, чтобы тот не бросился снова избивать Юань Нэна, и с легкой улыбкой ответил:

— Не он.

Цинь Чжэнь смотрел на синяк, его вены на лбу пульсировали, и он не мог объяснить свой гнев:

— Ты еще смеешься!

Цзи Тинсэнь:

— А виновник разве не здесь?

Глядя на Цинь Чжэня, который стоял как дубина, он объяснил:

— Если бы ты не подхватил меня, я бы упал на пол. Сила у тебя, парень, не слабая, ты же помнишь, как я в прошлый раз ударился о журнальный столик...

Цинь Чжэнь посмотрел на свои руки, сравнил отпечатки и быстро воспроизвел в уме ту сцену, поняв, что ошибся.

Но когда его взгляд задержался на следах, похожих на следы насилия на белой коже, он невольно вздохнул. В его снах тоже была такая сцена, и даже более...

Больше, чем смущение, его охватил внезапный жар, который, как табун лошадей, устремился в одно место.

Неожиданная физическая реакция и психологический шок заставили Цинь Чжэня, перед чьим взглядом дрожали высшие чины, застыть на месте, как каменная статуя.

Цзи Тинсэнь не знал о его состоянии, удобно устроившись на животе, он нащупал рубашку и натянул её на поясницу, чтобы не было холодно.

Подумав, он решил объяснить всё до конца:

— Не стоит волноваться, Юань Нэн даже не коснулся меня. Пуговицы я расстегнул сам... Просто чтобы обмануть его... Сфотографировать и использовать это против видео Бай Нина.

Говоря о таком провокационном поступке, Цзи Тинсэнь, всегда отличавшийся честностью и порядочностью, почувствовал неловкость и повернул голову к окну.

Затем он поднял руку, на запястье которой уже был слабый красный след:

— Видишь, стоит только прикоснуться, и след остаётся. Твой Сэнь не такой грубый, как ты...

Через три секунды раздался звук захлопнувшейся двери.

Цзи Тинсэнь обернулся, комната была пуста, и Цинь Чжэнь, который только что его отчитывал,

исчез.

Он понял, что ошибся, и ему стало неловко?

Он прошептал:

— Настоящий ребенок...

Он снова задумался, вспомнив, как раньше, когда Наньчу злился, он всегда старался объяснить и поговорить. Но Цинь Чжэнь был более упрямым, так что, возможно, лучше просто соглашаться с ним. В следующий раз он попробует.

Пока Цзи Тинсэнь размышлял, Цинь Чжэнь, как ураган, мчался в ванную.

Проходя через зал, он даже не взглянул на Юань Нэна, который сидел в углу.

Юань Нэн, напротив, испугался, а затем невольно посмотрел на свои ноги, его лицо стало серым:

— Кто-то действительно может... Неудивительно, что Цзи Тинсэнь им не интересуется...

В ванной Цинь Чжэнь омыл лицо холодной водой.

Но это не помогло!

Он поднял голову, и в зеркале на него смотрел мужчина с серо-голубыми глазами, которые горели, как огонь.

Его джинсы, которые раньше сидели свободно, теперь казались тесной клеткой.

Боль была сильной, но больше, чем боль, его охватывало...

Цинь Чжэнь чувствовал, что вот-вот взорвется, его разум был переполнен... Он запер дверь и, наконец, не сдержался, опустил руку вниз...

Примерно через десять минут после того, как Цинь Чжэнь хлопнул дверью, Цзи Тинсэнь позвонил ему.

Хотя они были в одном помещении, но косвенное общение могло смягчить его вспыльчивость, так что использование средств связи было необходимо.

Цинь Чжэнь не ответил, но быстро отправил два сообщения:

[Жди]

[Скоро, не уходи]

Цзи Тинсэнь подождал еще десять минут, понял, что «скоро» оказалось не так уж быстро, и взял запасное одеяло из комнаты отдыха, чтобы немного поспать на диване.

Болезнь дала ему только одно преимущество — он стал очень терпеливым.

Проснувшись, он медленно направился в соседнюю чайную, и, когда пил уже вторую кружку чая, Цинь Чжэнь вернулся.

Он постоял у двери несколько секунд, затем вошел.

Его виски блестели под светом, так как волосы были слегка влажными.

Но это не делало его неухоженным, а его и так светлая кожа стала еще бледнее, серо-голубые глаза, в которых обычно преобладал серый цвет, теперь казались более голубыми, его сухие губы были ярко-красными, и он выглядел так, будто на нем был легкий макияж, смягчающий его строгий вид и придающий ему редкую мягкость.

Цзи Тинсэнь налил ему чашку чая и подвинул:

— Вернулся?

Он не стал жаловаться, что «скоро» оказалось почти полтора часа. Если бы не его забота, Цинь Чжэнь, вероятно, занимался бы своими делами.

Казалось, Цинь Чжэнь даже разозлился.

Это было огромное недоразумение, ведь возбуждение и гнев имеют схожие физиологические реакции, но Цзи Тинсэнь точно не подумал бы, что Цинь Чжэнь...

Может быть, дело Юань Нэна помешало каким-то его планам, подумал Цзи Тинсэнь, и сказал:

— Я могу разобраться с Юань Нэном сам, ты занимайся своими делами.

Чувство вины и самоосуждения мгновенно исчезло, и Цинь Чжэнь выпил чай залпом:

— Я уже закончил.

То, что объектом его фантазий был Цзи Тинсэнь, можно было объяснить тем, что он был возбужден, но то, что он поддался искушению в трезвом уме, эта смесь самоосуждения и наслаждения сводила его с ума.

Три года он предупреждал Цзи Тинсэня держаться подальше, три года он безжалостно выгонял его из своей постели, и вот, в тот самый день, когда он получил «возвращение долга и конец всем делам», он так позорно опозорился!

Может быть, это было из-за долгого воздержания, подумал Цинь Чжэнь.

Даже если этот брак был браком по расчету, он всё же сохранял базовое уважение к нему, и за три года он никогда... Может быть, с возрастом потребность в сексе возрастает, это нормально.

А почему объектом фантазий стал Цзи Тинсэнь? Потому что он постоянно мелькал перед глазами, и по сравнению с другими людьми, такими как спецассистент Янь, он был самым привлекательным.

Вот и всё, просто совпадение.

Чем больше его сердце кипело, тем холоднее и сдержаннее он выглядел:

— Я разберусь с Юань Нэном, ты больше не вмешивайся.

Чтобы Цзи Тинсэнь не отказался, он добавил:

— По крайней мере, пока мы еще одна семья.

<http://bllate.org/book/16159/1447900>